

- професійний світогляд викладача і його вплив на формування гуманістичних цінностей і життєвих стратегій учнів ПТНЗ;
- педагогічний артистизм як складова професіоналізму творчої особистості викладача ПТНЗ;
- ефективний імідж сучасного майстра виробничого навчання;
- виховна робота як засіб формування конкурентоспроможності учнівської молоді;
- особливості формування ключових компетентностей педагога в умовах професійного ліцею;
- створення конкурентних переваг у професійній кар'єрі майбутніх випускників ПТНЗ;
- складові успішної професійної кар'єри випускника Одеського професійного ліцею технологій та дизайну ПНПУ імені К.Д.Ушинського.

Висновки. Загалом, аналіз накопиченого досвіду роботи дозволив узагальнити науково-практичні рекомендації з організації виховних і профорієнтаційних заходів, які сприяють успішності працевлаштування випускників ліцею, формуванню їхньої кар'єри. Як *перспективу* подальших пошуків вважаємо необхідним підтримувати ефективну соціальну комунікацію між викладачами і учнями-інвалідами зі слуху в період їхньої адаптації в умовах професійної діяльності.

Література:

1. Закон України “Про освіту”. — К., 1996.
2. Закон України “Про державну соціальну допомогу інвалідам з дитинства та дітям-інвалідам». — К., 1996.
3. Закон України “Про основи соціальної захищеності інвалідів в Україні”. — К., 1997.
4. Сирота І.М. Право соціального забезпечення в Україні. — Х.: Одісей, 1999.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИЗМА В РОМАНИСТИКЕ К.А.ФЕДИНА

УДК: 82.31+159.9 (Федина К.А.)

А.М. Хусиханов

У статті на прикладі творчості К. О. Федіна представлено аналіз деяких аспектів вивченості художнього психологізму в російській класичній прозі ХХ століття. Відмічено наступність традицій, рух письменника до жанру епічного полотна — роману-епопеї. Визначені можливості психологізму у плані осягнення художньої майстерності авторів великих епічних жанрів.

В статье на примере творчества К. А. Федина представлен анализ некоторых аспектов изученности художественного психологизма в русской классической прозе XX века. Отмечена преемственность традиций, движение писателя к жанру эпического полотна — роману-эпосе. Обозначены возможности психологизма в плане постижения художественного мастерства авторов крупных эпических жанров.

There is analysis some aspects of art psychological inside study in Russian classic prose of XX century by K. A. Fedin's works example in the article. There is noted succession of traditions, writer's movements to epic genre – novel-epopee. Author brings out opportunities of authors' handling of outstanding epic genres psychological inside.

Традиции мирового литературного развития являют множество фактов, когда в творчестве писателей романские циклы становятся итоговыми. Русская литература XX века насчитывает ряд примеров такого характера. Это – «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, итоговая книга А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина», «Русский лес» Л.М. Леонова, трилогия К.А. Федина «Костёр». На наш взгляд, тенденция к циклизации или эпопейным пределам лежит в самой природе эпического отражения действительности, открывает и перед художником наших дней возможность художественного осмысления целой эпохи, законченного этапа народной жизни, с одной стороны, а с другой – как бы венчает творчество того или иного художника, становится «главной» книгой.

Наша цель в данной статье рассмотреть состояние изученности одной из актуальных проблем современного литературоведения, берущего свое начало еще в трудах революционных демократов – проблемы автора и героя, принципов характеросложения и – шире – проблем художественного психологизма в целом.

Обращаясь к изучению проблем психологизма в романистике К.А. Федина, следует прежде всего обозначить содержание понятия, определяющее характер и ракурс анализа эпических полотен одного из крупнейших мастеров русской прозы 20-70-х годов советского периода. Широкая употребимость этого термина – «психологизм», применительно к творчеству Федина в том числе, отнюдь не облегчает решения этой задачи. Скорее, наоборот: за общим обозначением нередко скрывается различная его дешифровка, не совпадающие определения его типологии. Под психологизмом подразумевается то способ изображения человека в искусстве слова, то изображение системы отношений между персонажами произведения (тот или иной тип конфликта), то мотивированность поступков действующих лиц его душевными состояниями, то способ самооценок героя. В ряде исследований психологизм предстает как система взаимодействий характеров и обстоятельств (среды, быта, общественных состояний). В других подходах к характеристикам понятия легко обнаруживается очевидная недостаточность обозначенного круга признаков, неоправданная замкнутость их и соотносённость только с характером и системой характеров в структуре произведения. Справедливо указывается в литературоведческих трудах на то, что без анализа форм и средств авторского присутствия практически невозможно оценить конкретное проявление психологизма в творчестве этого писателя: и в этих случаях понятие «психологизм», выходя за границы зоны характеров, охватывает собой уже целостные структуры произведений, становится адекватным характеристикам стиля, индивидуального творческого метода.

Дефиниция «вибрирует», то расширяя свои пределы, то вмещающаяся в строго обозначенные границы. Такого рода процессы не имеют, пожалуй, аналогов

в той системе общих понятий, которыми оперирует современное теоретическое литературоведение. Кроме одного: такой же изменчивостью, таким же разнообразием отличается главный инструмент художественного познания действительности в литературе — словесный художественный образ. Диалектика образности как изначального признака словесного художественного творчества и историческая подвижность типов, видов и форм образов составляет общую закономерность литературы. Так и психологизм есть — в широком значении этого понятия — общий признак литературы. Но он возник не изначально, а по мере выдвижения человека в качестве главного предмета изображения в словесном художественном творчестве.

Одним из первых, кто теоретически обозначил это, связал понятие «психологизм» с общими свойствами литературы как вида искусства, был Лессинг, который закрепил за поэзией разрешающие возможности изображения не только «видимой природы», но и психологического жеста, как сказали бы современные исследователи.

Итак, историческое формирование понятия «психологизм» прежде всего связано с общими свойствами литературы, с одной стороны, её основным предметом — с другой. «Необходимость изучения данной проблемы подсказывается прежде всего самой спецификой литературы как формы общественного сознания — спецификой, удачно уловленной в известной горьковской формуле: «литература — человековедение» [2].

Вполне понятно, что, пользуясь понятием «психологизм» на подобном уровне, невозможно охватить и истолковать своеобразие интересующего нас литературного объекта — романы К. А. Федина, как, впрочем, и творчество любого другого художника слова.

Перспективы для такого анализа открываются при определении психологизма как способа словесного изображения. Наиболее широкое значение понятия «способ» равнозначно понятию «творческий метод» и в основном совпадает с его границами, с характеристиками его типологии. В каждом из творческих методов психологизм (как способ изображения) обладал уже более конкретной, определённой уровнем исторического и художественного сознания, системой признаков, выполняя специфические функции. Классицизм и сентиментализм, романтизм и реализм обозначили уже различные модификации общего понятия, выступили определёнными историческими ступенями в движении литературы как человековедения.

Не притязая на развернутые характеристики психологизма в предреалистическом творчестве (они выходят за границы исследуемой проблематики и получили достаточное обоснование в литературоведении), можно напомнить, что для классицистической драмы психологизм открыл возможность к изображению чувства и долга ведущих персонажей, «обслуживал» сам тип драматического конфликта, как борения чувства и долга, пусть еще не очень широко и мотивированно, но сопрягал душевный мир персонажа и сферу общественного бытия, что понятие «долга» напрямую соотносилось с определением гражданской позиции индивида. Сентиментализм (предреализм, как его еще называют) направил использование «инструментария» психологизма на изображение бытия «частного человека», детализировал изображение «частной жизни», быта, включил нравы и законы нравственности в сферу изображе-

ния, расширив тем самым и границы психологизма, и зону его воздействия в структуре произведения и, что тоже немаловажно, внедрил психологизм в жанровые регионы романа и повести.

На следующем историческом этапе — в недрах романтического метода на первый план выступили функции психологизма как самооценки героя, выраженности его внутренних борений, страстей, как способ утверждения их демонстративной автономности от воздействий окружающей среды.

Не касаясь других сторон и проявлений психологизма в предреалистическом творчестве, нетрудно заметить, что реалистический психологизм возник отнюдь не на пустом месте, многое в нём было подготовлено веками сложного литературного развития и литературных борений. Но важно подчеркнуть вместе с тем, что именно в реализме психологизм обрёл то развитие, ту объёмность, тот универсализм, которые позволяют связать это понятие с самыми различными компонентами художественного процесса: не только с методом в целом, но и с жанровой структурой произведения, с творческой индивидуальностью писателя, с категориями характера и конфликта композиции (как способа изображения), с фиксацией образа автора в структуре текста. В реализме возникли — в отличие от предшествующих методов — многообразие форм выражения психологизма и подвижность соотношения его доминант.

Проблема психологизма в реалистическом творчестве — тот проблемный рубеж, с которого исследователи творчества К. А. Федина обретают непосредственную возможность определить направления и задачи исследования психологизма его романов. Аспектов такого исследования можно выделить несколько. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

1. В истории русской литературы творчество К. А. Федина, особенно его романное творчество, традиционно — и справедливо рассматривается как соединительное звено между опытом русской романистики XIX века (опытами Н. Гоголя, М. Достоевского, Л. Толстого — прежде всего) и развитием в русской литературе советского периода. Без учёта диалектики этих преемственных связей практически невозможно оценить конкретный вклад К. Федина в развитие психологизма русского романа советской эпохи, получивший дальнейшее развитие в творчестве его младших современников.

2. В контексте фединского творчества, как это можно было наблюдать в опыте его великих предшественников, именно в романе как типе повествования, с наибольшей полнотой выразились тенденции к наиболее полному выражению потенциала средств реалистического психологизма. Новеллистика и повести К. Федина выступили лишь, при всем их самостоятельном художественном значении, своего рода ступенями на пути восхождения к роману.

Но указанными аспектами характеристику психологизма в романах К.А.Федина ограничить невозможно. Новый их ряд обнаруживается не в диахроническом, а в синхроническом контексте. При этом выдвигается на первый план ещё один проблемный узел.

1. Важное место в становлении и развитии творчества К. Федина в 20-е и 30-е годы сыграл М. Горький. К.Федин не только непосредственно, но и опосредованно (в системе взаимодействий с опытом М. Горького) осваивал классическое наследие. Роль М. Горького отчетливо просматривается и при пере-

ходе от довоенного к послевоенному творчеству К. Федина — на пути к созданию романного цикла «Костёр». Книга К. А. Федина «Горький среди нас» [3] отчётливо запечатлела не только процессы самосознания горьковских уроков, но подсказала автору «Костра» пути выдвижения в центр повествования заглавной фигуры эпохи.

2. Романистика К. А. Федина стала слагаемым сложного процесса взаимодействий с творчеством крупнейших художников слова нового мира — А. Фадеева и М. Шолохова, А. Толстого и Л. Леонова. Всех их сближает и жанр повествования, и восприятие уроков реалистического письма у великих предшественников, и устремлённость к эпической полноте изображения революционной современности в ее динамике с позиций психологизма. Вне сопоставлений с творчеством этих мастеров трудно оконтурить специфически «фединское» в характеристиках психологизма его романов.

3. Становление в советскую эпоху метода «социалистического реализма», в котором романам К. Федина принадлежит особая роль, протекало, особенно в 20-е и начале 30-х годов, в атмосфере острых идейно-эстетических борений, затрагивающих непосредственно и отношение к психологизму. Достаточно вспомнить, что отношение к классическому наследию (проблемам реалистического психологизма в первую очередь) было достаточно сложным и противоречивым. Речь идет не только об известном нигилизме пролеткультовцев и левовцев к классическому наследию, не только об отождествлении психологизма и «психоложества» (А. Безыменский), но и о ложных теориях «живого человека» в программах РАППа, об односторонности концепций психологизма у В. Полонского и А. Воронского. Сложное (и во многом спорное) отношение М. Горького и А. Луначарского к чеховскому наследию — еще один штрих, дополняющий эту картину.

Рассматривая движение романистики К. Федина от «Городов и годов» к более позднему из его довоенных романов, нельзя не учитывать его идейно-творческие позиции по этим проблемам.

Наконец, существует и третий круг проблем, имеющий важное значение для понимания своеобразия психологизма романов К. Федина. Условно говоря, можно обозначить его «внутренний», т.е. непосредственно относящийся к имманентным характеристикам его творчества ряд проблем, расположенный в самой сердцевине тех связей и той системы взаимодействий, которая здесь была обозначена.

Это — проблема эволюции романного творчества К. Федина, в которой можно выделить периоды создания романа «Города и годы» и «Братья», затем — «Похищение Европы» и «Санаторий Арктур» и наконец — трилогии «Костёр». Между последними двумя располагается повествование «Горький среди нас», не примыкающее непосредственно — по жанру — к романистике писателя, но чрезвычайно существенное для понимания движения его психологизма. Здесь важно выделить и подчеркнуть мысль (требующую, естественно, развития и аргументации) о том, что движение психологизма и было в творчестве К. Федина заглавной действенной силой, стимулирующей эволюцию его романов.

Доказательство этого положения может возникнуть как результат непосредственного анализа его крупных эпических полотен.

Так связываются между собой проблемы границ понятия психологизма, изучения через его призму романов К.Федина и определение задач будущих исследований.

Изучение проблем реалистического творчества и особенностей психологизма внутри границ метода — это прежде всего завоевание эстетически русских революционных демократов — В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского. Литературоведение советского периода, опираясь на труды великих предшественников, на открытия реалистического романа XX века, в известной мере расширило характеристики реалистического творчества в целом. В дискуссиях о реализме 50-60 годов прошлого столетия были более чётко определены границы реализма в литературе XIX и XX веков (особенно доказательной в этой дискуссии представляется концепция Б. Л. Сучкова, сформулированная учёным в монографии «Исторические судьбы реализма» [4], созданы труды, характеризующие реалистическое творчество А. С. Пушкина (работы Г. А. Гуковского [5], прежде всего), Н. В. Гоголя (Г. А. Гуковский [6]), М. Б. Храпченко [7], Л. Н. Толстого (Б. М. Эйхенбаум [8]), А. П. Скафтымов [9], Ф. М. Достоевского (М. М. Бахтин [10], В. Днепров [11] и др.), А. П. Чехова (труды А. Чудакова [12] и др.). Важное значение для определения понятия психологизма как категории реалистического творчества обрели в 70-е годы XX века монографии Л. Я. Гинзбург «О психологической прозе» [13] и «О литературном герое» [14]. Здесь называются работы «первого эшелона», определившие пафос и методологическую направленность множества общетеоретических и историко-литературных исследований реалистического творчества и жизни его традиций в современной литературе.

Уровень изученности этой проблематики позволяет автору своё отношение к ней выразить выбором суждений предшественников (далеко не однозначных и не совпадающих), а не формулированием новых определений.

Горьковские оценки произведений К. А. Федина 20-х — начала 30-х годов прошлого века в полной мере сохранили (при спорности некоторых высказанных в них положений) свою актуальность, теоретическую и историко-литературную значимость до наших дней. Для самого романиста они имели принципиальное значение.

По существу, первое научное исследование творчества К.Федина началось в 50-е гг. XX века, когда (в 1951 г.) вышла в свет первая монография о К. Федине «Константин Федин», принадлежащая перу Б. Я. Брайниной [15]. Эта работа содержала анализ почти всего содеянного К. Фединым (без неопубликованных к тому времени частей завершающего трилогию романа «Костёр»). Характеризуя это обстоятельное исследование, можно заметить, что первый систематичный анализ творчества К.Федина, охватывая широкий круг характеристик генезиса, эволюции творчества писателя, касаясь в ряде случаев оценки фединского психологизма, не выдвигал последний в качестве проблемного ядра при истолковании его романистики. Большое место в фединоведении принадлежит трудам П. А. Бугаенко — его монографиям «Мастерство Константина Федина» [16], «Романическая трилогия К. А. Федина» [17], «Константин Федин. Личность. Творчество» [18] и «Константин Федин и саратовская земля» [19]. Исследователь первым рассмотрел всё романное творчество К. Федина, включая заключительный роман трилогии. Ему при-

надлежит роль первооткрывателя саратовских источников творчества писателя. Однако, по мнению самого исследователя, его собственные труды не исчерпали возможности исследования романистики К. А. Федина. О малоизученности проблемы психологизма в романном творчестве писателя говорилось также и в статье В. А. Ковалева «Наследие Федина и современность» [20]. Обстоятельная работа Н. И. Кузнецова об авторе «Костра» («К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля» [21]) обращена к исследованию мастерства и стиля, без специального обращения к проблемам психологизма. То же самое можно сказать и об исследованиях Э. Левинсона [22], А. Старкова [23] и др. В работах каждого из названных исследователей не обойдено молчанием то обстоятельство, что Федин-романист обладал высоким мастерством психологического письма. Рассмотрены различные способы характеросложения в романах писателя. Обращено внимание на то обстоятельство, что в романах «Города и годы», «Братья», в трилогии в числе центральных персонажей художественно исследуется тип творческого работника, что проблема «революция и интеллигенция» выступила сквозной и магистральной для творчества К. Федина. А это обстоятельство, в свою очередь, формировало стиль «интеллектуальной прозы» писателя, поднимало «градус» фединского психологизма.

Можно с уверенностью сказать, что сам пафос истории послевоенного фединоведения самой логикой исследовательской мысли ставил в повестку дня специально посвящённое проблемам психологизма исследование эпических полотен писателя.

Изучение романистики К. Федина через призму психологизма открывает возможность полнее определить не только типологию крупных эпических повествований писателя, но и более внимательно рассмотреть законы литературной преемственности, оценить сам признак (психологизм) художественного исследования действительности как методологический курс искусства реализма.

Изучение трудов предшественников приводит нас к определённым выводам. Первый из них состоит в том, что самой логикой исследования творчества этого выдающегося прозаика изучение психологизма поставлено в повестку дня, является необходимым и актуальным. Внимательное прочтение трудов исследователей прошлого века, в которых творчество крупнейших русских реалистов рассмотрено в связи с проблемами психологизма, убеждает в том, что именно в таком ракурсе рассмотренное наследие крупного художника открывает дополнительные возможности для целостного прочтения его творений. Изначальным аргументом в пользу необходимости целостного изучения проблем психологизма в творчестве К. Федина выступает конечно и прежде всего своеобразие самой фединской романистики. Некоторые черты этого своеобразия уже обозначены выше: органическая и сложная подвижная связь творений К. Федина с отечественными традициями реалистического письма; открыто заявленная автором тенденция к их развитию и обогащению на новом витке общественного развития и с опорой на новый уровень художественного историзма: выбор романа как типа повествования, дающего возможность широкого захвата динамически развивающихся событий и характеров, движущихся в их русле; не только жанровый выбор (роман), но выбор типа ха-

рактера, подлежащего художественному исследованию: образы художников, творцов, наделённых особым мыслительным и чувственным аппаратом, предрасположенных к психологическим оценкам окружающего.

К этим характеристикам фединской романистики с достаточным основанием можно прибавить: постоянный интерес писателя к сфере чувств персонажей, глубокое проникновение в их интимные миры; тяготение писателя к развёрнутым мотивировкам движения и развития характеров героев, не только ведущих, но и эпизодических, второстепенных персонажей; за четыре с лишним десятилетия К. Федин последовательно избирал различные жанровые модификации романа, словно бы опробовал их разрешающие возможности и резервы для опытов психологического письма, не ограничиваясь рамками одного лишь социально-психологического романа.

Сопоставление романистики К. Федина с опытом его современников (в разные периоды его творчества) убеждает в том, что при всём своеобразии путь писателя совпадал рядом существенных признаков с их художественными исканиями. И это позволяет подойти к более широким выводам — о развитии художественного психологизма в русской литературе XX века, что особенно заметно на художественных полотнах послереволюционных творений М. Горького, А. Толстого, первых романах А. Фадеева, М. Шолохова, Л. Леонова и К. Федина. Не избежав, конечно, «давления времени», эти крупнейшие художники ориентировали русловое направление отечественной литературы к углублению и укреплению реалистических тенденций, способствовали осуществлению горьковской программы кардинального обновления искусства слова.

Сегодняшнее фединоведение продолжает традиции исследователей, всё глубже постигая искусство проникновения мысли писателя в тайники человеческой души, в до конца не раскрытый мир персонажей романистики этого крупнейшего классика своей эпохи.

Список использованных источников:

1. Хусиханов А. Автор и герой в романической трилогии К.А.Федина. — Проблемы развития советской литературы. История и современность. Межвузовский научный сборник. — Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 1990. — С. 72.
2. Сучков Б. Исторические судьбы реализма. Размышления о творческом методе. — М.: Сов. пис., 1977. — 526 с.
3. Пискунов В. Советский роман-эпопея. Жанр и его эволюция. — М.: Сов. писатель, 1976. — С. 3.
4. Федин К. Горький среди нас. Картины литературной жизни. — М.: 1944. — 172 с.
5. Гуковский Г. Пушкин и проблемы реалистического стиля. — М.: Гослитиздат, 1957. — 414 с.
6. Гуковский Г. Пушкин и русские романтики. — М.: Худож. лит., 1965. — 355 с.
7. Храпченко М. Лев Толстой как художник. — М.: Худож. лит., 1978. — 581 с.
8. Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. — Л.: Худож. лит., 1974. — 360 с.

9. Скафтымов А. Статьи о русской литературе. — Саратов: Кн. изд., 1958. — 391 с.
10. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Сов.Россия, 1979. — 318 с.
11. Днепров В. Проблемы реализма. — Л.: Сов. пис., 1961. — 371 с.
12. Чудаков А. Поэтика Чехова. — М.: Наука, 1971. — 486 с.
13. Гинзбург Л. О психологической прозе. — Л.: Худож. лит., 1977. — 443 с.
14. Гинзбург Л. О литературном герое. — Л.: Сов. пис., 1979. — 222 с.
15. Брайнина Б. Константин Федин. Очерк жизни и творчества. — М.: Сов. пис., 1962. — 463 с.
16. Бугаенко П. Мастерство Константина Федина. — Саратов: Кн. изд., 1959. — 164 с.
17. Бугаенко П. Романическая трилогия К.А.Федина. — М.: Высш. шк., 1981. — 112 с.
18. Бугаенко П. Константин Федин. Личность. Творчество. — Саратов: Кн. изд., 1980. — 255 с.
19. Бугаенко А. Константин Федин и Саратовская земля. — Саратов: Кн. изд., 1982. — 79 с.
20. Ковалев В. Наследие Федина и современность//Русск. лит., 1982, № 3. — С. 6.
21. Кузнецов Н. К.А.Федин-художник. Проблемы метода и стиля. — Томск: Изд. Томск. ун-та, 1980. - 276 с.
22. Левинсон З. В единстве. О творчестве К.А.Федина. — Тула: Кн. изд., 1979. — 223 с.
23. Старков А. Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина. — М.: Сов. пис., 1985. — 335 с.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

УДК 37.014=411.16(470)

Абидуллаева Э.Э.

В статье раскрываются основные этапы развития образования крымских татар. Представлен ретроспективный анализ развития системы образования в Золотоордынский период, Крымского ханства, после присоединения Крыма к России, советский (революционных изменений, довоенный, депортационный) и период возвращения.

Ключевые слова: *этапы образования, система образования.*

The article describes the main stages of education of the Crimean Tatars. The retrospective analysis of the educational system in Golden Horde, of the Crimean Khanate, after joining the Crimea to Russia, the Soviet (revolutionary changes, before the war, deportation) and the return period has been given.

Keywords: *stages of education, the education system.*

Актуальность проблемы. Одной из важнейших задач современной педагогики является глубокий анализ исторического и педагогического наследия